
Аркадий Александров
Гномы Лешего

Аркадий Александров

Гномы Лешего

«Автор»
2026

Александров А.

Гномы Лешего / А. Александров — «Автор», 2026

И снова «гуманитарщик» Алексей – позывной Леший – втянут Мариной (с позывным Рысь) в игрища спецслужб. Но на этот раз Лешему пришлось спасать от войны тех, кто в этой войне виноват меньше всегоНапряженный военно-приключенческий детектив.

© Александров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 22

Аркадий Александров
Гномы Лешего

Для лучшего понимания происходящего, рекомендую прочесть сначала следующие книги:

«Флэшка» — https://www.litres.ru/74305319/

«Позывной «Кедр» — https://www.litres.ru/74364789/

«Серая зона» — https://www.litres.ru/74517154/

Все основные события, приведенные в данной книге – плод воображения автора, все совпадения случайны.

Все действующие лица, представленные в данной книге, их фамилии, имена, отчества, позывные – плод воображения автора, все совпадения случайны.

Все примечания (ссылки) в тексте – авторские.

Глава 1.

Я выжимал педали до упора, и старая «буханка»[1], выкрашенная в давно облупившийся серый цвет, ревела на пределе, надрывалась, но ползла. Движок чихал, захлёбывался, глотая донбасскую взвесь, и каждый его судорожный вздох отдавался в кабине металлической дрожью.

Под колёсами не было дороги. Было только направление. Липкая, жирная грязь, замешанная на чернозёме и пороховой гари, чавкала под резиной так, что этот звук пробивался даже сквозь непрерывный вой раздатки.

За окном — серый кисель, в котором тонуло всё — ближний пейзаж, горизонт и время. Низкое небо висело прямо на разбитых и раскуроченных осколками кронах деревьев, будто придавив их своей тяжестью. Моросящий дождь не падал сверху, а просто висел в воздухе, неподвижный и въедливый, пропитывая одежду, металл и лёгкие. Успокаивало лишь одно – в такую погоду ты невидим для спутников и простых «птичек[2]».

Я был вымотан до звона в ушах. Пять рейсов за неделю. Спина превратилась в один сплошной комок натянутых нервов, а правый глаз дёргался от недосыпа мелкой, назойливой дробью. Позвоночник ломило от непрерывной тряски и таскания мешков и коробок. Я «волан»[3], логистик, шофер, грузчик, разнорабочий и еще хрен знает кто...

Я не боевой офицер, я штатский со стажем. Я тот, который знает, в какую воронку от «Града» можно спрятаться при налете, куда загнать «буханку» от всевидящего ока спутников, с кем и как договорится на блокпосту, где можно пользоваться телефоном, где рацией, а где нельзя ни того, ни другого, где «глушилки» фонят так, что тупит не только рация, но и собственная соображалка.

В салоне пахло домом. Но не тем уютным, с фикусами и крахмальными скатертями, а убежищем кочевника. В машине висел запах мокрой одежды, пота, остывающего металлом, дешёвого ароматизатора и простого табака. Я не курю, но когда иногда подвозишь бойцов, те умудряются прокурить даже железо «буханки»!

На приборной панели, приклеенная скотчем к торпеде, болталась облезлая мягкая игрушка — заяц с одним ухом. Его мне подарила медсестра в ЦРБ, где я долечивался после

[1] Сленговое название УАЗ-452.

[2] Сленговое название БПЛА (беспилотных летательных аппаратов).

[3] Сленговое название волонтеров.

ранения почти три месяца назад[4]. Заяц раскачивался в такт кочкам, и этот нелепый, мирный ритм странно успокаивал — единственная ниточка, тянувшаяся отсюда туда, где ещё оставалась нормальная жизнь.

Эта последняя поездка выглядела странной. Я отвез два ящика гвоздей, два ящика индивидуальных аптечек и небольшой генератор туда, куда это можно было не возить. Обратно мне вообще настоятельно рекомендовали сделать крюк, типа так безопасней. И теперь я месил обеими мостами чернозем, наматывая лишние километры и выколачивая себе межпозвонковую грыжу.

Впереди сквозь пелену дождя проступили очертания блокпоста. Серые бетонные блоки, обмотанные «колючкой» и тусклое пятно прожектора, которое вязло в мокром воздухе, не в силах пробить его насквозь.

Я сбросил газ. «Буханка» дёрнулась и заглохла на секунду, но стартер тут же с надрывом вытянул её снова. Мотор заработал ровнее, превратившись в глухой, вибрирующий гул, который передавался через сиденье прямо в мою отбитую на кочках задницу.

Я приоткрыл окно. В кабину ворвался холодный, сырой воздух. Он пах мокрым бетоном, сгоревшим дизелем и чем-то неуловимо сладковатым — запахом прелых листьев и тлена, который всегда стоит в прифронтовой полосе в конце октября.

До Ростова оставалось чуть больше двух сотен километров не самого ровного асфальта. Я мечтал об одном — дотянуть до города, запереться в своей убитой однушке, принять стакан коньяку, ванну и завалиться спать на неделю — без снов, гула и дороги.

«Буханка» со скрипом остановилась перед полосатым шлагбаумом. Я выжал ручник. Мотор чихнул в последний раз и затих, оставив меня наедине с тишиной, которую нарушал только шум дождя по железной крыше.

Я открыл скрипучую, тугую дверь и вышел из кабины. Хотя правильней было бы сказать — вывалился. Ноги были ватными, спина разгибалась с таким трудом, словно на плечах лежал весь вес гуманитарных тюков моих пяти рейсов. Холодный, влажный воздух обнял меня, словно мокрое одеяло, облепил лицо, забрался под куртку. Я потянулся, до хруста в позвонках, глубоко вдохнул эту сырую стынь. И тут услышал голос.

— Привет, Леший! Ты ли это?

Твою же мать! Этот голос был узнаваем даже сквозь шелест дождя, сквозь цокот капель по железу. И я не мог понять — в ту самую секунду, когда я его услышал, я обрадовался или рассердился? Оба чувства вскипели разом, обожгли изнутри, и я так и не сумел разобрать, какое из них взяло верх.

Я обернулся. На пороге бытовки, освещённой тусклым светом прожектора, стояла Марина. Она же Рысь. Собственной персоной. Даже в полумраке и сквозь пелену дождя я узнал её сразу[5].

Не торопясь, не обращая ни малейшего внимания на грязь и мелкие капли дождя, она подошла ко мне и встала напротив, опершись на мокрый шлагбаум, разделявший нас. Я молча смотрел на неё. Та же короткая стрижка, те же глаза, в которых, казалось, отражалась вся усталость этого проклятого места — вся, до последней капли. Она была одета в полевую форму без каких либо знаков различия.

— Какие люди! — воскликнул я. — Рысь собственной персоной! Привет, е-мое!

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз — так и осталась на губах, бледная и недолгая.

— Три месяца, как мы в последний раз виделись, да? В Курчатовской больничке.

— Помню, — я кивнул. — Как рука?

---

[4] Это описано в книге «Серая зона».

[5] Предыдущие приключения Лешего и Рыси описаны в книгах «Флэшка», «Позывной Кедр», «Серая зона».

— Норм, — она пошевелила левой, тогда раненной, рукой. — А ты как? Смотрю, снова на «буханке»?

Я не ответил. Она поднырнула под шлагбаум и подошла ближе. Я почувствовал лёгкий аромат её духов, смешанный с запахом пороха и сырой одежды. И вспомнилось мне, что в каждую нашу встречу она пахла по-разному — то, как светская дама, то как продавщица из продмага. Сейчас запах напоминал плацкартный вагон перед отправкой с провинциального вокзала: что-то дорожное, тревожное, с примесью чужого пути.

— Живой, — наконец сказал я. — Но спина, сука, совсем разваливается. Пятый рейс подряд! Но ты… ты тоже выглядишь…

— Уставшей? — она закончила за меня. — Это точно. Но ничего, прорвёмся. Как всегда. Ты здесь планировал надолго?

Я мотнул головой в ответ:

— Хочу сегодня успеть в Ростов.

Она кивнула, и её взгляд медленно скользнул по моей «буханке», по облезлому зайцу на приборной панели. Помолчала. Потом сказала:

— Я рада тебя видеть, Леший, правда.

Её слова прозвучали искренне, и я почувствовал, как напряжение, сковавшее меня за последние дни, немного отпустило — будто разжалась невидимая рука, державшая меня за горло. Рысь, несмотря на свою службу, была честна. Но её появление здесь настораживало. Они никогда не появлялись случайно.

— Не могу сказать, что уж прям неимоверно рад тебя видеть, — усмехнулся я. — Но я рад, что ты жива, капитан. Или уже майор?

Она негромко рассмеялась и ответила:

— Как обычно, вернули после выздоровления на службу и даже грамоту дали. Покормили обещаниями «замайорить» позже. Ладно. Сейчас тебя запустят, притули «буханку» за кунгом, потом пойдём поговорим.

Я вздохнул и глухим голосом ответил:

— Опять ты тут не просто так. Опять твои спецоперации и какие-то интриги…

Она усмехнулась, но в усмешке не было ни капли веселья. Только сухая, жесткая деловитость человека, у которого горит план-график.

— Интриги, Леший, это там, в штабах, где паркет натирают до зеркального блеска и говорят полунамёками. А у нас, как ты сам давно уже заметил, сплошная проза. Голая, без прикрас.

… В жарко натопленном кунге она достала планшет. Экран полоснул по её лицу мертвенно-синим светом, и в этом свете лицо показалось особенно осунувшимся, усталым. На щеке темнела узкая полоска копоти — там, на улице, я её почему-то не заметил.

— Смотри сюда, Леший. Село Старая Николаевка. Там есть… Вернее, был детский дом, интернат.

На экране светилась спутниковая карта. Красные пульсирующие точки, синие линии, жирный чёрный овал. Лесополки, «открытки»[6], дороги. Река. Мост.

— Про Пастора слышал? — спросила она, повернув ко мне лицо.

Я отрицательно покачал головой, продолжая всматриваться в экран. Марина снова заговорила:

— Тот ещё гад. От куда такая кликуха непонятно. На самом деле он Мельник Петр Николаевич. Бывший зек. Жил себе в Луганске. Оттуда и «присел» за грабёж. После отсидки недолго гулял — снова «присел», уже за разбой. А потом загремел за убийство нескольких человек. Должен был уйти на пожизненное, но толком ничего не доказали, смогли пришить

[6] Лесополосы и открытые пространства.

лишь один эпизод, и то как бы в состоянии аффекта. Тут началось СВО. Сидел он за Уралом. Завербовался к «музыкантам[7]». Воевал. Участвовал в их марше. Помнишь? — Рысь усмехнулась.

Я кивнул и ответил:

— Помню. Но так и не понял, что это тогда было.

— Как-нибудь расскажу, — подмигнула она мне и продолжила: — Потом его законтрактовали в одну из частей. Но там он сломал челюсть командиру. Грозил трибунал. А он расстрелял «вэпэшников[8]» и свалил. Всплыл уже на той стороне.

— Вот сука! — вырвалось у меня. — Ладно, челюсть сломал, ладно этих расстрелял. Но туда сваливать!

Рысь вскинула брови и, пряча улыбку, спросила:

— Тебе что, полицию не жалко?

Я пожал плечами и ответил:

— Как людей — жалко. Но по сравнению с переходом к хохлам!

Марина кивнула и продолжила говорить:

— Так вот. Командовал несколькими ДРГ, совершал рейды по нашим территориям. Причём не столько диверсиями занимался, сколько грабежами. Ну, в итоге его прищучили. Почти все ДРГ размели. Но он и ещё парочка его подчинённых улизнули. Обратно он не пошёл, остался здесь. Из «ждунов» и несогласных сколотил банду. Кочуют по нашим территориям. Маскируются в основном под наших военных. Награбили три грузовика разного добра.

— Хрена себе махновцы! — вырвалось у меня.

Рысь усмехнулась и продолжила, ткнув пальцем в экран планшета:

— Здесь их обложили. Росгвардейцы село заперли наглухо. И есть большое «но».

Она замолчала, задумчиво покусывая нижнюю губу. Я молча ждал. Через полтора десятка томительных секунд спросил сам:

— Детский интернат?

Марина кивнула и ответила:

— Да. Он держит там персонал и полтора десятка детей. Ну, ещё нескольких жителей села. Требует автобус и коридор через линию фронта. Иначе грозится расстрелять всех заложников. Сначала вообще хотел два вертолета и чемодан долларов, гадина! Короче, спецназ прибудет, заложников всеми силами будут освобождать, этих мразей, понятное дело, валить на месте. Единственное — пока он там беспредельничал и не успел всех согнать в одно помещение, часть детей сбежала. Только есть во всём этом деле ещё одно «но»…

Она замолчала, а я вдруг почувствовал, как усталость в ногах сменяется тяжёлым, холодным свинцом в животе.

— Ты что-то хочешь от меня? — внезапно осипшим голосом спросил я.

— Ты необычайно догадлив, Леший, — тихо ответила она. — Спецназеров в последний момент подписали на другую операцию. Они смогут прибыть сюда лишь часов через восемь-девять…

— У нас что, они единственные остались? — прошипел я, перебивая Марину.

— Эти — ближайшие. Если бы не такой вот форс-мажор, они бы уже всё сделали. Так вот. Смотри сюда, — она ткнула пальцем в экран планшетника. — Это дамба. Сбежавшие дети вот здесь, за дамбой. Детей там девять. С ними наш сотрудник, пацан совсем, лейтенант молоденький, первая командировка. Зовут его Кирилл, позывной Кадет. Косит под гражданского. Связь с ним пока есть, у него «кнопка». Но она вот-вот сядет. Дамба простреливается. Попы-

[7] ЧВК «Вагнер».

[8] Сотрудники военной полиции.

тались прогнать там «бэтэр» — пасторовские его чуть не сожгли. А вот ты на своей машине проехать сможешь.

Я в изумлении уставился на Рысь и воскликнул:

— А ты, мать, часом не контужена?! Я?! Там «бэтэр» чуть не спалили! Что за идиотизм!

— Дело в том, Леший, что Пастор в «оркестре» был знаком с Кедром[9].

Слова застряли у меня в горле. Я прокашлялся и хрипло спросил:

— И… И что? Ну… Это… А при чём тут я?

— Мы связали Пастора и Кедра. Они поговорили, так сказать, по-свойски. Короче, Кедр уговорил Пастора, что тот даст вывезти этих сбежавших детей. Но только если это будешь ты. Только ты!

— Тляяя… — медленно протянул я. — А… Это… А почему прям сейчас? Давай спецназ подождём.

Рысь вздохнула и, помолчав несколько секунд, ответила:

— Погода, Леший. Чёртова погода! Через час примерно ждём ледяной дождь. И по дамбе будет не проехать — можешь с неё тупо соскользнуть.

— Слушай, а почему этот Пастор до сих пор сбежавших детей не захватил?

Марина снова ткнула пальцем в экран планшета и пояснила:

— Вот это место хорошо простреливается. Снайперы держат плотно, «птичками» просматривается тоже хорошо. Так что Пастору и его банде к детям пройти не даем. Такая вот ситуация, Леший.

Я перевёл взгляд с планшета на её лицо, потом на свои мелко дрожащие ладони — то ли от вибрации «буханки», то ли от услышанного.

— Марина, я… Я всё понимаю…

Словно читая мои мысли, она перебила:

— Пастор запросил твоё фото. Уж извини, пришлось ему скинуть. Так что посадить росгвардейца за руль твоей «буханки», даже переодев его в твою одежду, не получится. Фото стороннего человека не смогли – ты как-то засветился в Интернете по своим волонтерским делам. Пастор нашел там твое фото тоже.

— Йоп! Марин, ну я же не эвакуатор, не «Красный крест» и не спецназ. Даже не МЧС. Я…

— Знаю, — она кивнула, и её взгляд на секунду потеплел. — Но всё равно прошу тебя.

— Слушай-ка, Рысь, а меня срочно вот в эту поездку не просто так отправили, да? Да еще по странному маршруту?— меня вдруг пронзила ослепительная догадка.

— Да, Леший. Да, прости, я снова тебя подставила. Но… Но это дети, Лёшка. Понимаешь? Дети. Кстати, есть ещё один момент, почему ты, а не кто-то из военных.

Внутри меня всё клокотало возмущением. Но с другой стороны, я понимал, что там дети.

— Ну и почему? — сквозь сжатые зубы просипел я. — Потому что я лох на гражданском ведре, которого не жалко?

— Дурак ты, Лёшка! – ответила Марина тоном старшей сестры. – Не поэтому! А потому что ты гражданское лицо, которое они подпустят к себе.

Её голос стал жёстким, как наждак, исчезли сестринские нотки:

— Ты не пахнешь казармой. От тебя не разит порохом и властью. Для этих детей человек в камуфляже и с оружием — это всегда удар, всегда падение потолка. А ты… Ты просто дядя на старой машине. Ты для них — элемент мирной жизни.

Она строго упёрлась глазами мне в переносицу и продолжила:

[9] Герой книги «Позывной Кедр». Там описываются совместные приключения Кедра и Лешего.

— Времени мало, Леший. Примерно в шестнадцать начинается ледяной дождь. Дорога на дамбе превратится в конькобежную дорожку. Если ты не проскочишь, эти дети могут остаться там навсегда.

Я смотрел ей в глаза и внутри меня все клокотало. Меня снова используют! В который раз эта чертова Рысь меня подставляет и использует! Но…

Но я давно усвоил, что… Как бы это пафосно ни звучало, но русские своих не бросают. А уж детей – тем более. Даже чужих детей…

— И куда я их? Сюда? — глухим голосом спросил я.

— Да. – кивнула Марина. – Сначала сюда, но потом, дальше придется снова тебе. Я не смогу посадить их в «Урал» — они забьются под лавки и будут выть. Придется тебе тащить их до Ростова.

— Вы тут что, совсем немощные, что ли? – зашипел я. – Не можете найти гражданский автобус?!

— Можем, Леший. И даже нашли. Только вот он… Гхм… Короче он сломался. А из военных ПАЗиков – все цвета хаки. Понимаешь? Чисто военный вариант.

— Дурдом! – вырвалось у меня. — Как я их дальше повезу? Там же… Меня с девятью «потеряшками» без документов развернут на первом же КПП! Меня трясут даже за коробку просроченного бинта, а тут — живые дети!

— Не шуми! – прервала меня Рысь. – С тобой и дальше Кадет поедет. И еще фельдшерица, местная, из «скоряков». Детей тут накормим, надеюсь чувство голода у них пересилит страх перед военной столовкой. И вот еще что…

Она сделал паузу и я снова ощутил тяжесть в животе и холодок в позвоночнике между лопатками. А она продолжила, водя пальцем по экрану планшетника:

— Вот здесь есть тропа. Твоя «буханка» там сможет протиснутся. Это на случай, если на дамбе что-то пойдет не так. Ну, дождь хлынет раньше, например. Выйдешь прям к оцеплению росгвардейцев, их предупредят. Запомнил? Ну, Кирилл про эту тропу знает.

— Ну вот и нахрена по дамбе? Почему сразу не по тропе? – задал я вопрос.

— Ну… — Рысь замялась, потом твердо взглянула мне в лицо. — Пастор думает, что мы про нее не знаем. И мы поддерживаем в нем эту уверенность, сохраняя тропу для спецназа. У тропы его пост. И он может тебя по ней не пустить. Смотри.

Она снова принялась тыкать пальцем в экран.

— Вот тут мы проход контролируем, чтобы Пастор не прошел к детям. А вот здесь, перед началом тропы, уже нет. Мы не сможем вас там прикрыть.

— Ахренет… — пробормотал я. – Если мы туда сунемся, нам крындец!

— Леший, это на крайний случай. На самый-самый-самый крайний! Если с дамбой не выйдет – лучше сиди там и жди спецназ. Мы тебе загрузим две упаковки воды и сухпай.

— Перспективки, тлять… — снова пробурчал я.

— И вот еще. – Марина потыкала в планшет. – На всякий случай запомни их. Это Пастор и его два ближайших помощника.

На экране появилось изображение, Рысь ткнула пальцем в экран, увеличивая зернистое, пиксельное фото. Снимок был сделан с «птички», но оптика позволила вырезать лица. В свете экрана черты бандитов казались уродливыми, словно высеченными из старого, гнилого дерева.

— Смотри внимательно, Леший, — голос Рыси стал низким, севшим. — Вот Пастор.

Я вгляделся. Мужчине на фото было лет сорок пять, но выглядел он на все шестьдесят. Лицо — тяжелое, бульдожье, с мощными, почти квадратными челюстями. Глубокие складки шли от носа к уголкам рта, придавая ему выражение вечного, брезгливого презрения. Но пугали не морщины. Пугали глаза. Бледно-серые, почти бесцветные, они смотрели в объектив не с яростью зверя, а с холодным, клиническим интересом патологоанатома. В них не было ничего человеческого — только расчет и застарелая, въевшаяся в кости тюремная тоска. Корот-

кая стрижка под машинку открывала рваный, давно заживший шрам, пересекающий левую бровь. На нем была надета флисовая куртка, но сидела она не как на туристе, а как на хищнике, подчеркивая ширину плеч и тяжесть торса. От этого человека веяло не просто злобой, а абсолютной, звенящей пустотой. Он был дном, о которое разбиваются и законы, и понятия.

— А это Чирь. — Рысь свайпнула экран. — Тот еще пассажир! Хорошо разбирается в минно-взрывном деле.

С фотографии смотрел парень лет тридцати. Худой, дерганый. Лицо острое, крысиное, сплошь покрытое нездоровой, серой щетиной. Глаза навыкате, воспаленные, с красными прожилками. На голове — черная вязаная шапка, натянутая до самых бровей. Но главное — руки. На экране планшета они были сложены на груди, и я видел пальцы. Длинные, узловатые, с черными каемками под ногтями. Пальцы хирурга, которые сейчас привыкли не к скальпелю, а к детонатору и электротехническим схемам. Он смотрел не в камеру, а чуть в сторону, и вся его поза выражала одно — готовность сорваться с места в любую секунду. Нерв. Оголенный провод.

— И еще один персонаж. Кличка Карась — Рысь свайпнула еще раз. —Боевик со стажем.

Этот был другим. Массивный, квадратный. Шея сливалась с плечами, лысая голова блестела. На вид — типичный «торпеда» из девяностых, но в его массивности была пугающая грация. Он улыбался. Широко, во все тридцать два зуба. И эта улыбка на фоне серого неба и руин за его спиной выглядела жутко, как оскал черепа. Взгляд был пустым, как у манекена. Так смотрят люди, которые давно отдали приказ своему мозгу не думать. Он был идеальным инструментом для убийства — надежным, безотказным и не задающим вопросов. На плече у него висел ручной пулемет, который он держал так же привычно, как другие держат сумку.

Рысь замолчала, сложила планшет. Дождь усилился, капли застучали по крыше и стенам кунга глухо, как по дереву. Я подошел к двери и открыл ее.

Пахнуло влажным холодом. Сквозь серую пелену дождевых капель просматривалась моя заляпанная грязью «буханка». Я смотрел на нее. На свой теплый, прокуренный, уставший дом на колесах. Смотрел на серую пелену, за которой, в десятке километрах отсюда, девять детей дрожали от холода и страха, ожидая, когда их либо спасет «дядя на машине», либо разорвет на куски.

Глава 2.

Я оглянулся на Рысь.

— Черт бы тебя побрал, капитан, — выдохнул я, чувствуя, как спина, которая только что молила об отдыхе, снова наливается тупой, рабочей тяжестью.

— Я знала, что ты не подведешь, Лешка— она второй раз за весь разговор назвала меня по имени. — Надеюсь твоя «буханка» тоже не подведет.

— Мы с ней на последнем издыхании. – слабо улыбнулся я.

— Заправщик сейчас подойдет, — она подошла ко мне, хлопнула меня по плечу, коротко, по-мужски, без всякой женской жалости. — Зальют тебе полный бак. Еще одеяла положим. У тебя есть минут пятнадцать. Приедешь к детям, просто им скажи «Привет, я Леший. Мы едем в Ростов». Остальное они поймут сами. Свои вещи, документы, телефон оставь тут. И… это… не надевай броник[10]. Он их напугает.

Она усмехнулась и добавила:

— Причем не только детей.

…Я врубил вторую. «Буханка» взвыла, надсадно, с металлическим хрипом, но пошла ровнее, глотая метр за метром разбитый, раскисший бетон, будто продираясь сквозь собственную усталость.

[10] Бронежилет.

Дамба. Узкая, серая кишка, стиснутая с двух сторон свинцовой водой. Слева — разлившийся ставок, неподвижный и тяжелый, как остывший металл. Справа — болото, заросшее мертвым камышом, торчащим из жижи, словно обломанные ребра. Ширина — едва ли три метра. Слева — раскрошенный временем и войной бетонный парапет, за которым пустота, готовая принять в себя все, что соскользнет. Справа — такая же пустота, уходящая в жидкую грязь. Ни обочины, ни места для маневра, ни права на ошибку. Одно неверное движение рулем, одна яма, скрытая под водой, и колесо соскользнет. Машина ухнет вниз, и мы ляжем на крышу в ледяную воду. Пять рейсов за неделю, мечты о коньяке и ванне в Ростове — всё закончится здесь, в черной жиже под Старой Николаевкой.

Дождь чуть утих , но не прекращался. Мелкая, холодная взвесь секла лобовое стекло, будто кто-то горстями швырял в него битое стекло. Дворники работали на максимуме, размазывая грязь в мутные полосы, и от их ритмичного скрежета по стеклу становилось только тревожнее. В кабине пахло сырой резиной, горячим мотором и тем специфическим запахом мокрого войлока, который издают старые УАЗы. Две упаковки воды и картонная коробка с сухпаем глухо гремели в салоне, подскакивая на кочках. Байковые одеяла лежали уже не аккуратной стопкой, а бесформенной кучкой.

Я вцепился в руль так, что побелели костяшки. Спина, которая еще десять минут назад молила об отдыхе, превратилась в камень. Я не дышал. Я буквально вжимался в сиденье, пытаясь стать меньше, слиться с железом, раствориться в нем, слиться с автомобилем в одно целое.

Я проехал лишь половину дамбы, но уже вспотел от напряжения. Я ощущал себя канатоходцем на плохо натянутом тонком шнуре над пропастью. А осознание опасности ледяного дождя затмило даже опасность возможного обстрела со стороны Пастора. Это осознание било под дых, выбивая остатки воздуха.

Если этот чертов дождь хлынет сейчас, бетон станет гладким, как стекло. На нем не удержится даже кошка. Двухтонная «буханка», потеряв сцепление с обледеневшим бетоном, просто нырнет в воду. Никакой опыт вождения не поможет. Мы мгновенно станем подводной лодкой…

Впереди показался конец дамбы. Где-то там, за деревьями, стоит старая, чудом сохранившаяся бытовка. В ней – КПП Пастора.

Я сбросил скорость почти до нуля. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в глазных яблоках. По инструкции от Рыси я остановился, не глуша мотор. Выжал сцепление, воткнул нейтралку, потянул ручник.

Дверь открылась с трудом, сопротивляясь ветру. Я вывалился наружу... Встал рядом... Лицом по направлению движения... Руки поднял чуть выше плеч, ладонями вперед. Классическая стойка «я пустой, я не опасен».

Холод. Он пробрал мгновенно, до костей. Куртка намокла и стала тяжелой, как свинцовый фартук. Ветер швырнул в лицо пригоршню ледяной воды. Я зажмурился, пытаясь проморгаться.

И начал молиться. Не Богу, нет. Я молился… Каким-то высшим силам. Я не крещенный, но на войне не бывает атеистов. Я молился всем богам, чертям, камням, деревьям, ветру и дождю. Я молился, чтобы Пастор узнал меня. Чтобы он вспомнил ту фотографию, которую ему скинула Рысь. «Я Леший. Вожу гвозди и генераторы. Я просто «волан», а не вояка. Сейчас я свой».

Если он меня не узнает — я труп. Я физически ощущал это кожей. Прорезь пулеметного целика. Она должна быть где-то там, в разбитом окне бытовки, метрах в ста пятидесяти от меня. Холодная, черная линия, наведенная точно в центр моей груди. Галочка снайперского прицела. Она ползет по моей мокрой куртке. С плеча на грудь. С груди на переносицу. Замирает. Дышит в такт с моим сердцем. Я почти слышал сухой щелчок предохранителя.

Щупающие взгляды через линзы биноклей. Через запотевшие стекла. Сколько пар глаз сейчас оценивают мою стойку, мою машину, ищут подвох? Ищут второго номера в салоне. Ищут ствол, спрятанный под одеждой.

Запахи. К ним примешался новый — кислый запах мокрого брезента, дешевого пороха и немытых человеческих тел. Запах банды. Я понимал, что не могу чувствовать этот запах, что страх и воображение сыграло с сознанием дурную шутку. Но я чувствовал!

Звуки. Шум дождя. Вой ветра в голых ветвях. И при этом звенящая, давящая на перепонки тишина. От того, что никто не орал «Стой, стрелять буду!». Никто не выходил. Они просто смотрели. И это ожидание было страшнее любого крика.

Я стоял. Вода стекала за шиворот, холодными змейками ползла по позвоночнику. Ноги начали мелко дрожать — то ли от холода, то ли от адреналина. «Узнай меня, сука. Просто узнай, тварь. Я всего лишь водила. Я просто увезу детей. Я не спецназ. Я «волан» Леший. У меня заяц на торпеде. Я хочу домой».

Десять секунд. Двадцать. Минута… Время растянулось, как старая резина.

И тут на бетон, чавкая берцами по грязи, из тени деревьев и серости дождевых капель, возникли два человека. Высокие, широкие. В разгрузках поверх гражданской одежды. Лица замотаны до глаз серыми платками. В руках — автоматы. Они не целились, просто держал их на весу, как держат лопату.

Медленно, вразвалку, пошли ко мне. Я не шевелился. Только смотрел, как сокращается расстояние. Сто метров. Пятьдесят. Двадцать метров. Десять.

Они остановился в пяти шагах и молча принялись рассматривать меня. Взгляд одного скользнул на «буханку». На облезлого зайца, которого было хорошо видно через мокрое лобовое стекло. Он осторожно обошел машину и открыл боковую дверь, осмотрел внутри салон.

Второй же не отводил взгляда от моего лица. Платок чуть сдвинулся. Обнажились зубы. Не улыбка — оскал.

— Стало быть Леший. — хрипло сказал он. — А мы тебя ждем. Короче лезь за руль. Слева прогал в деревьях, там метров через двадцать сарай. Если через десять минут не выйдешь от туда – никогда не выйдешь. Усек?

Я молча кивнул. Говорить я не мог – у меня начал дрожать подбородок. То ли от страха, то ли от промозглости. И я стиснул зубы.

— Вот и молодец. – вымолвил человек. – И без глупостей. У меня палец дерганый.

Он шагнул в сторону, в тень, к нему молча присоединился второй. Я на негнущихся ногах, скользя в грязи, вернулся на водительское место, хлопнул дребезжащей дверью и воткнул первую. «Буханка», тяжело вздохнув, тронулась с места. Метров через двадцать, там, где жидкая лесополка редела, обнажая рябой просвет, я увидел прогал. Вывернул руль туда, чувствуя, как машина неохотно поддается. Вот и сарай. Старый, дощатый, крытый прогнившим рубероидом, он стоял на отшибе, скособочившись, словно пытался врасти в черную, мокрую землю, спрятаться в ней от всего света.

Я остановил машину, не глуша мотор. Дождь лупил по железной крыше глухо, как в барабан. В салоне пахло сырой резиной и страхом. Моим страхом — липким, холодным, обволакивающим нутро.

Следуя инструкциям Марины, я приоткрыл дверь, набрал в легкие ледяного, мокрого воздуха и рявкнул, срывая голос:

— Это Леший!

Эхо вязло в дожде, тонуло в нем, не находя отклика. Я вывалился из кабины. Ноги тут же по щиколотку ушли в холодную жижу, хлюпнувшую под подошвами. Подбежал к сараю, рванул на себя тяжелую, разбухшую от влаги дверь.

В нос ударило так, что я отшатнулся. Сладковатый запах застарелой мочи, прелого сена, мокрой псины и чего-то кислого — то ли рвоты, то ли страха. Внутри стоял полумрак, разре-

заемый лишь серыми лезвиями тусклого света из щелей в стенах. Темнота в углах смердила сырой землей и чем-то безнадежным.

Я замер на пороге, давая глазам привыкнуть. Потом увидел их — сидевших на грязном, мокром полу, сбившись в одну дрожащую кучу. Девять детей, напоминавших испуганных котят, которых только что выловили из ледяного ручья.

Самая старшая, девочка лет тринадцати, сидела, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку перед собой. Лицо серое, губы искусаны в кровь. На ней была легкая осенняя курточка, насквозь промокшая и облепившая худые плечи. Она не дрожала — она окаменела, будто вся обратилась в тот же холодный камень, что и земля вокруг.

К ней жались двое пацанов, лет по восемь–десять. Они вцепились друг в друга так, что побелели костяшки. Один тихо, монотонно скулил, как щенок, другой просто смотрел на меня огромными, черными от расширенных зрачков глазами. В них не было слез. Только глухой, животный ужас — тот, что поселяется глубже всяких слов.

Остальные, лет семи–восьми, просто сидели, обняв себя за плечи, и раскачивались. Тихо, в такт дождю. Один мальчик сосал палец, хотя давно вышел из этого возраста, и смотрел на меня с надеждой — как на Деда Мороза или на смерть, которая наконец пришла.

Вся картина напоминала измотанных гномов во главе с не менее измотанной принцессой.

Из темного угла, оторвавшись от стены, шагнул человек. Я вздрогнул, но тут же понял, что это Кадет. От «лейтенанта» в нем не было ничего. Огромные, на три размера больше, резиновые сапоги, болоньевая куртка, заляпанная грязью до черноты, темный растянутый свитер, спортивные штаны с лампасами. Он выглядел как типичный деревенский пацан, который не спал трое суток и видел слишком много для своих двадцати с небольшим лет.

— Леший? — тихо вымолвил он.

Я кивнул, судорожно сглотнул и сказал, обращаясь к детям:

— Привет. — Голос у меня сел, стал хриплым. — Я Леший. Мы едем в Ростов.

Они смотрели на меня, как на привидение. Никто не двинулся.

— Это Леший, — вымолвил Кирилл, обращаясь к ним же. — Он за нами. Мы едем в Ростов. Там тепло. Там суп.

Девочка-тринадцатилетка моргнула. Медленно, тяжело. В ее глазах что-то щелкнуло, сломалось. Она перевела взгляд на мелкоту.

— Вставайте, — голос у нее был тихим, высоким, чуть сорванным, но в нем звенел металл. — Он за нами. Надо уезжать.

Дети зашевелились. Медленно, как куклы с севшими батарейками, они начали подниматься.

— Леший… — начал Кадет и закашлялся. — Все здесь, все девять. Старшая Лена.

Он кивнул на девочку, которая помогала подниматься остальным, поправляя на них одежду. Она оторвалась от этого занятия, полезла во внутренний карман и достала тетрадный листок, сложенный пополам. Протянула его мне и тихо сказала:

— Это список. Я всех переписала. Нужно же сделать перекличку, да?

Я оглядел сарай. Крыша в прорехах. В углу натекла уже приличная лужа, в которой плавал какой-то мусор. Я вернул взгляд на Лену, на ее тонкую руку, в которой дрожал бумажный листок.

— Быстрей на выход, — скомандовал я. — Перекличка потом.

Она шмыгнула носом, а я продолжал:

— Лена, бери тех, кто слева. Ведешь к машине. Сажаешь назад. Кирилл — тех, кто справа, тоже самое. Сам садишься вперед, со мной. Быстренько!

Я шагнул к мелкоте и подхватил на руки того самого пацана с пальцем. Он оказался неожиданно тяжелым и мокрым. Обнял меня за шею тонкими, ледяными ручонками и уткнулся носом в воротник.

— Пошли, — выдохнул я. — Бегом.

Мы вывалились из сарая. Дождь ударил по лицу, ослепляя. Я бежал к «буханке», чувствуя, как бьется сердце ребенка у меня на груди — часто-часто, как у пойманной птицы.

Кадет подталкивал остальных. Лена шла, таща за руку двоих.

Я рванул боковую дверь, посадил мелкого. Обернулся. Кадет, Лена, остальные были сзади. Мы, как могли, загрузили всех внутрь. Там сразу стало тесно, загремели бутылки с водой. «Буханка» не очень-то предназначена для перевозки детей…

— Расселись? — крикнул я. — Закутайтесь в одеяла. И держитесь! Будет трясти!

Я чуть задумался и добавил:

— Сейчас вы гномы, а Лена принцесса. И мы прокатимся в шахтерской тележке, чтобы спасти принцессу! Усекли? – с этими словами я с силой захлопнул дверь и, поскальзываясь в грязи, обогнул машину, взобрался на водительское место.

Кадет, вваливаясь на переднее сиденье рядом со мной, захлопнул дверь. Я оглянулся. Девять пар глаз смотрели на меня сзади. Меня потряхивало. От промозглости и адреналина. Я вдавил газ в пол.

«Буханка» взвыла, дернулась и, разбрызгивая грязь, понеслась обратно к дамбе. Я глянул в зеркало заднего вида. Дети сидели, вжавшись в сиденья. Лена смотрела вперед. Кадет сидел справа, вжавшись в кресло, и смотрел в боковое окно. Его руки лежали на коленях, но пальцы были скрючены, как когти. Он не был вооружен, но от него веяло такой сжатой пружиной, что я физически ощущал его напряжение.

И в этот момент в лобовое стекло сильно заколотило, словно ударила дробь! Я рефлекторно ударил по тормозам. В стекла, борта, крышу «буханки» стучало так часто, словно на мощный вентилятор сыпанули мелкого гравия, направив это все на нас. Видимость резко ухудшилась.

— Че за… — начал было Кадет, но я его перебил:

— Ледяной дождь! С-сука!

У меня вдруг появилось ощущение, что ледяной дождь ворвался в мой желудок. Дыхание на миг перехватило. С почти паническим ужасом я понял совершенно отчетливо — по дамбе не проехать! Не проехать! Никак!!!

Я судорожно пытался сообразить — что делать? Что?! Следовать наставлениям Марины и остаться в сарае ждать спецназ? Это еще часов семь-восемь! А то и все десять.

— Проедем? — тихо спросил Кадет.

— Нет. — сквозь сжатые зубы процедил я. — Там такая дамба, что просто соскользнем в болото и утонем. Будем ждать в сарае. Часов через семь спецы будут.

— А они будут?

Я лишь пожал плечами. Сзади раздался тихий плач и шепот. Я оглянулся. Лена прижимала к себе одного из детей. Судя по одежде — девочку. Та плакала, а Лена что-то шептала ей на ухо, вероятно пыталась успокоить. Потом подняла голову и посмотрела мне в глаза. Остальные, как по команде, тоже уставились на меня. Девять глубоких взглядов, от которых сердце сначала подскочило в горло, а потом ухнуло куда-то в область поясницы, затрепыхав у позвоночника.

Я отвернулся и сказал Кириллу:

— Короче… Оставаться не вариант…

Он кивнул, перебивая:

— Да. Эти гады захотят «буханку». Могут попытаться прорваться через простреливаемый участок. Хотя…

— Дело не только в этом. Вы сколько уже в этом сарае? Сутки?

— Больше. — выдохнул Кирилл. — Больше двух.

Я вздрогнул и с изумлением уставился на него. А он твердо посмотрел на меня. Потом сказал:

— Можем потерпеть еще. Если выхода нет. Но последние часов десять они только и делали, что ждали тебя, Леший.

Я нервно сглотнул и головой ощутил девять взглядов в свой затылок. Девять детских взглядов.

— Есть тут проезд. Пастор о нем вроде как знает, но думает, что мы не знаем. — сказал я.

Кадет кивнул и ответил:

— Да, я в курсе. У тебя связь есть? Мой сел.

Я покачал головой и ответил:

— Никакой связи. Черт его знает, чем это закончится. Но Рысь должна была предупредить наши посты, что мы можем выскочить с другой стороны. Так что… Гхм…

Я отпустил сцепление и нажал газ.

— Держитесь, гномы! — бросил я, разворачивая «буханку». — Сейчас будет трясти.

Верная «буханка», протестующе взвыв, прыгнула вперед, уходя с открытого пространства перед дамбой в сырую, черную пасть леса. Слева, в прорехе между деревьями, на секунду мелькнул черный куб сарая — и пропал, словно его и не было. Впереди оставался только частокол голых, мокрых стволов и темнота, густая, как смола. Никакой дороги. Никакой колеи. Только направление.

— Туда, — хрипло сказал Кадет, указывая рукой в сторону от сарая. — Левее. Там овражек.

Я вцепился в руль так, что побелели костяшки. Память выдернула экран планшетника, Рысь водила пальцем по пикселям: «Вот тут тропа. Твоя «буханка» протиснется».

— Ручей? — переспросил я, вглядываясь в темноту.

— Был ручей, — кивнул Кадет. — Сейчас просто канава с грязью. Левее, прямо на ту раздвоенную вербу.

Я крутанул руль. «Буханка» ухнула правым колесом в яму, нас тряхнуло так, что сзади кто-то из детей вскрикнул. Коробка с сухпаем с грохотом улетела под сиденья, бутылки с водой покатились по полу, гремя, как погремушки в руках безумца.

Запах в кабине изменился. К вони мокрой одежды и моего липкого, холодного пота примешался густой, болотный дух. Гниющие водоросли, прелая листва и бензиновый выхлоп, который затягивало в салон через щели.

— Кирилл! — бросил я, не отрывая глаз от лобового стекла, по которому дворники едва успевали смахивать воду. — Мы сейчас где?

— Кажется, забираем севернее. Там сопки. Пастор вроде их не контролирует. Но здесь могут быть его посты. Заминировать могли. Растяжки.

Слово «растяжки» ударило в мозг. Я вжал голову в плечи, хотя и так вжимался в сиденье. Теперь каждая коряга, торчащая из грязи, казалась не просто деревом, а куском проволоки. Каждый сук, нависающий низко, — растяжкой на уровне шеи.

Мы петляли. «Буханка», воя раздаткой, ворочая колеса обоими мостами, ползла по руслу, переваливаясь с боку на бок. Вода в колее доходила до порогов. Движок ревел на низкой передаче, металлический лязг из-под днища сливался с треском веток, которые я сносил бампером. Желтый свет замызганных фар с трудом пробивался сквозь струи дождя и града.

Страх. Он больше не был холодным. Он стал горячим, липким, заполнил собой всё пространство кабины, вжался в каждую щель. Страх заблудиться. Если мы свернем не туда, мы просто утонем в этом лесу, сгинем без следа. Нас найдут весной, по костям.

Страх нарваться на Пастора. Если его посты стоят здесь, нас положат из кустов. Никто даже не услышит выстрелов за шумом дождя.

Страх попасть под своих. Если мы выскочим на позиции росгвардейцев с другой стороны, а кто-то не услышал там нужной команды, нас порвут «Корды» и «Мухи»[11]. Я представил, как крупнокалиберные пули рвут тонкую жесть «буханки», и меня замутило.

Страх за машину. Я всем телом чувствовал, как старуха-«буханка» держится на последнем издыхании. Сейчас хрустнет полуось. Сейчас лопнет ремень. Сейчас мотор просто захлебнется от этой ледяной воды, и мы встанем. Идеальная мишень. Коробка на колесах, набитая мясом.

Но все эти страхи не парализовали меня — они гнали вперед, заставляли действовать на самом максимальном пределе. Я действовал на уровне подсознания, орудуя рулем, рычагом коробки передач, педалями, всматриваясь в окружающую хмарь.

— Правее! — крикнул Кадет. — Там промоина!

Я рванул руль. Машину занесло. Задний мост поплыл по грязи, нас повело боком. Я вдавил тормоз, выжал сцепление, молясь, чтобы не заглохнуть. «Буханка» остановилась в сантиметрах от черного, раззявленного оврага. Дна не было видно — только густая, маслянистая темнота.

— Твою мать… — выдохнул я. Руки на руле ходили ходуном. Пальцы свело судорогой от напряжения.

Сзади, в салоне, стояла мертвая тишина. Даже мелкота перестала плакать. Девять пар глаз… Я физически ощущал этот тяжелый, давящий взгляд. Они не дышали. Они ждали, поеду я или нет.

— Прорвемся, — сипло сказал я в пустоту, сам не веря своим словам.

Я бросил сцепление. Мотор взревел от боли. «Буханка» дернулась, зацепилась протектором за корень, спрятанный под водой, и прыгнула вперед, уходя от края пропасти.

— Прямо! — скомандовал Кадет, бледный как мел. — До опушки метров триста. Там поле, там наши.

Триста метров. В этом лесу они тянулись на километры. Мы нырнули в узкий проход между двумя холмами — теми самыми «сопками» с карты. Земля здесь была суше, но склон крутым. «Буханка» кренилась так, что я хватался за баранку, чтобы не вывалиться в окно.

Наконец мы оказались на ровной поверхности. Внезапно дождь чуть стих, и в разрыве туч мелькнул свет. Он упал на дорогу впереди — и я увидел их. Три фигуры. Стояли прямо на тропе, метрах в семидесяти. В полной амуниции — касках, бронниках, при оружии.

Глава 3.

Мои кишки мгновенно превратились в лед. Пастор? Или наши?

Я не видел лиц. Только силуэты. И черные провалы стволов, направленные прямо на мою лобовуху.

— Леший… — пискнул сзади детский голос.

Мысли колотились в черепе так, что казалось, сейчас проломят кости и выскочат наружу. Что делать?! Тормозить? И тогда мы — прекрасная мишень! Тогда газу! А если наши?! Но…

— Газу! — заорал вдруг Кирилл и, не дожидаясь реакции, рукой надавил на мою правую ногу.

Движок взвыл, «буханка», взметнув грязь, прыгнула вперед.

Ну вот и все! Сейчас нас либо спасут, либо убьют. Узнавать, кто именно, было уже поздно.

Мир сузился до желтого конуса света фар, в котором плясала ледяная взвесь. И приближающиеся три фигуры.

[11] Корд – крупнокалиберный пулемет. Муха – гранатомет.

И тут воздух взорвался. Не одиночные — сразу, хлестко, густо ударила очередь. Но вроде мимо! Толи это был предупредительный. То ли свет фар ослепил стрелявшего. Пули прошли слева, снося ветки придорожного кустарника.

— Ложись! — рявкнул Кадет, вжимая голову в плечи и хватаясь за потолочную ручку.

Тут вторая очередь! Воздух в кабине стал плотным, словно студень. И пули пошли сквозь него. Тр-р-р-рак! — прошило лобовое стекло, обивку... Звук был такой, словно по железной крыше со всей дури лупят кувалдой. Он был оглушающим, заполнившим собой всё пространство кабины, вибрирующим в зубах. В лобовом стекле, ровно между моей головой и плечом Кирилла, возникло несколько дырок, вспыхнула белая паутина трещин.

Сзади раздался истеричный, захлебывающийся визг. Не один — хор. Девять детей рухнули на металлический пол, накрывая головы руками. Визг шин слился с визгом детей. А я давил на газ, не видя дороги и просто удерживая направление.

— Правее! В поле! — орал Кадет, перекрывая рев движка и треск очередей. —Уходи!

Я рванул руль. «Буханка» ухнула вправо, соскакивая с разбитой колеи. Земля под колесами исчезла. Мы полетели.

Бам! Глухой удар. Мы кого-то сбили! Машину подбросило, руль едва не вырвало из рук. Сзади, даже сквозь стрельбу, рев движка и грохот подвески, слышался мат — мужской, хриплый, полный ярости.

Я судорожно дернул рычаг, с прямой переключился вниз, на вторую, газанул, потом врубил третью, вдавил газ, чувствуя, как УАЗ оседает под собственным весом и елозит всеми колесами в грязи. Мы влетели в поле. Движок всхлипнул, но вытянул. Я, поняв, что в спешке, зря ушел на повышенную передачу, резко дал по педали сцепления и, передернув рычаг на первую, утопил педаль газа. И лишь почувствовав через полминуты, что «буханка» набирает ход, переключился на вторую передачу.

Это была не езда. Это был ад. Раскисший чернозем схватил машину, как клей. Движок выл на пределе, грозя взорваться. Задний мост швыряло из стороны в сторону. Нас мотало так, что я прикусил язык до крови. Вкус железа и соли наполнил рот.

Пули продолжали щелкать по кузову, как будто какой-то безумец вбивал гвозди в железную обшивку.

— Левее! Там дорога! — Кадет тыкал пальцем в серую мглу, хотя сам ничего не мог видеть.

Я слепо доверился ему. Машина пошла юзом, разворачиваясь боком. Я рванул ручник, выжал сцепление. Задницу занесло еще сильнее. Мы развернулись почти на месте, едва не перевернувшись.

И тут тучи разорвало. В стремительно наступающих сумерках появилась луна.

Огромная и желтая она выкатилась на небо. Дождь прекратился мгновенно, словно кто-то выключил кран. Стало светло, почти как днем, но в мертвенном, нереальном свете. И я увидел грунтовку, идущую по краю поля.

— Есть! — выдохнул я, крутя руль, газуя, бросив машину на твердое.

«Буханка» с грохотом плюхнулась на гравий. Нас тряхнуло в очередной раз, и ход стал ровным.

Я бросил взгляд в зеркало, поглядел по сторонам сквозь замызганные стекла. Никого… Справа черная стена леса, из которой мы вырвались. Слева – редкая лесополка. Впереди — пустота. Серая лента дороги, уходящая в никуда...

В салоне воняло горячим металлом, рвотой, потом, мокрыми тряпками. Звуки смешивались в одну какофонию – гул в ушах, тарахтение движка, стон коробки, блямканье подвески, шуршание шин. Сзади, из клубка детских тел, доносился тихий, монотонный скулеж.

Я посмотрел на Кадета. Он сидел, вцепившись в ручку, и тяжело, со свистом дышал. Лицо было белым, как мел, в лунном свете казавшимся синим.

— Живы? — прохрипел я. Горло драло, будто я проглотил битое стекло.

Кадет медленно повернул голову. Посмотрел на меня. И его губы растянулись в странной, дрожащей улыбке.

— Суки... — выдохнул он. — Ты видел? Мы его... походу, насмерть. Того, на тропе.

— Кто это был?

— Однозначно пасторовские! — воскликнул Кирилл. – Наши бы так не торчали! Ну и мне показалось, что они орали по блатному, а не просто матом.

Сзади из салона раздался голос Лены:

— Нас никого не ранили. Только ушиблись, но это ничего. А до Ростова долго еще?

Мне бы самому хотелось знать – сколько до Ростова. Я совершенно не понимал, где мы находимся. Но, постаравшись придать голосу бодрости, ответил:

— Скоро будем! Но надо немного потерпеть.

— Дядя Леший, а нас еще будут убивать? – вдруг раздался тонкий детский голос.

Я чуть не выронил руль и мгновенно покрылся потом. Вопрос прозвучал так обыденно, словно ребенок спросил, когда начнутся мультики по телевизору!

— Это… Никто никого убивать не будет! – хрипло ответил я.

Ледяной пот тек у меня по спине. На меня стала наваливаться звенящая, пустая усталость и понимание — сейчас мы прорвались. Мы на дороге. Но на какой дороге? Куда едем? Где наши? Где оцепление?!

…«Буханка» выла на последнем издыхании — надрывно, хрипло, так, словно из нее медленно выдирали душу.

Я оторвал правую руку от трясущегося руля и положил ладонь на металлический кожух мотора. Он вибрировал так яростно, что кости кисти начало мелко ломить, будто под кожей завелся рой раскаленных игл. Сцеплению здоров досталось — в кабину пробивался густой, тошнотворный запах жженого феродо, перебивая остальные ароматы.

— Леший, — голос Кадета с переднего сиденья был сиплым, точно протертым наждаком. — Левый бак[12]. Там сколько?

Я скосил глаза на приборную панель. Стрелка давно лежала на нуле, как выбитый из строя солдат, но лампочка еще не мигала — держалась на каком-то упрямом, почти человеческом упорстве. Хотя она могла и вовсе не загореться.

— Мы на правом. Левый должен быть полным. Пока на лампочке идем, И это если датчик не врет. А он, скорей всего, врет.

Подвеску било мелкой дрожью, будто машину знобило. После того как мы вырвались из леса, скакнув через поле, на дорогу, я думал, станет легче Но старая «буханка» собрала на себя всю усталость последних пяти рейсов, не говоря о нашем отчаянном марш-броске по абсолютному бездорожью — всю, до последней капли.

В ногах, под резиновым ковриком, что-то ритмично блямкало на каждой кочке — похоже, подвеске скоро настанет совершеннейший кирдык. Скорости втыкались с хрустом, словно коробку набили битым стеклом. Каждое переключение отдавалось ударом в позвоночник, и я чувствовал, как во мне что-то отзывается тупой, ноющей болью. Правая нога, затекшая на педали газа, мелко дрожала, не слушаясь. Я физически чувствовал, как машина превращается в кусок мертвого железа, который мы просто по инерции катим вперед. И это ощущение было хуже любой боли.

Сзади было тихо. Ни криков, ни истерик. Только тяжелое, сопящее дыхание девяти загнанных зверьков, сбившихся в тесный, теплый клубок. Лена справилась. Девчонка оказалась покрепче многих мужиков — она просто взяла на себя роль воспитательницы, надзирателя,

[12] У УАЗа два бензобака, правый и левый.

старшей сестры. И дети слушались ее беспрекословно, точно она была единственным законом в этом тесном, трясущемся мирке.

Грунтовка внезапно кончилась. Зубодробительная тряска оборвалась, сменившись глухим, сытым гулом. Асфальт. Старая, в колеях, латаная-перелатаная, но твердая серая лента. «Буханка» благодарно качнулась, принимая ровную поверхность, и мотор чуть сбавил обороты — будто выдохнул. Я вдавил тормоз. Педаль ушла почти до пола, машину повело юзом, и на миг сердце ухнуло в пятки. Колодки тоже на подходе.

Мы остановились. Вокруг — звенящая, неестественная для войны тишина. Ни гула генераторов, ни лая собак, ни далекого бабаханья. Только свист ветра в голых ветвях деревьев ближайшей лесополки и больное металлическое кряхтенье нашей спасительной «буханки», которое вдруг стало оглушительно громким.

Впереди, метрах в пятидесяти, прямо в перекрестье лунного света и наших тусклых фар, торчал дорожный знак. Покосившийся, пробитый, обклеенный лохмотьями выцветших объявлений, он стоял, как надгробие над собственной памятью. Я перевел коробку на нейтраль, выжал ручник и сполз с сиденья. Ноги не слушались — колени дрожали от сильного напряжения и переизбытка адреналина, который стремительно сменялся свинцовой пустотой.

— Леший, ты куда? — Кадет схватил меня за рукав.

— Сиди. Осмотрюсь. Смотри, чтоб движок не заглох.

Воздух на улице ударил холодом по лицу, отрезвляя. Пахло поздней осенней ночью — мокрым асфальтом, пылью и далекой гарью, тянущейся откуда-то с юга. Я подошел к знаку. Черная краска облупилась, обнажив рыжую ржавчину, похожую на засохшую кровь. Стер грязь рукавом. Веселая Горка.

Я моргнул и огляделся. И увидел то, чего не заметил, подходя к знаку. Место выглядело как скелет, как выеденная до костей туша. По обе стороны дороги — обглоданные огнем кирпичные коробки, заборы, поваленные внутрь дворов, черные провалы выбитых окон. Ни одного живого огонька. Только луна равнодушно скользила по этой пустоте. Ну и какая, к черту, Веселая?

Я вернулся в кабину, тяжело рухнул на продавленное сиденье, чувствуя, как оно проседает подо мной.

— Веселая Горка, — сказал я, чуть поддав газу на нейтралке. Мотор чихнул, кашлянул, цепляясь за жизнь. — Кажется, мы ушли куда-то севернее. Сильно севернее.

Кадет молчал, глядя на мертвые дома. Тень от его профиля лежала на стекле, и в ней было что-то стариковское.

— А где посты? — наконец выдавил он. — Где оцепление? Рысь же говорила, тропа выведет прямо на росгвардейцев.

Меня снова прошиб холодный пот, липкий, стекающий по шее. Рысь говорила, что Пастор знает про тропу, но он не знает, что про нее знают наши. По этой тропе должен скрытно пройти спецназ. А еще она говорила, что село в плотном кольце.

Но получается, что не в плотном! «Котел» — это просто фикция, картонный домик. И если Пастор не знал про этот неохраняемый выход, то мы его ему невольно показали! Мы выпустили волка из капкана, пока Росгвардия сидит в засаде у парадного входа!

А если это и есть та самая тропа, то теперь Пастор поймет, что про нее известно не только ему! И усилит тут охранение! Усилит минирование! И тогда благополучный исход операции спецназа под угрозой!

От этих мыслей у меня не только шея похолодела, а даже стопы покрылись мурашками. Похоже, что Кирилла посетили такие же мысли. Он глухо произнес:

— Черрррт…

— Рысь много чего говорила, — я со скрежетом врубил первую. — Надо двигать подальше от сюда.

Я мысленно представлял местность. За последние годы я изъездил прифронтовые места вдоль и поперек. В этих местах бывать не приходилось, но я примерно мог представить в какую сторону двигаться, к какому населенному пункту.

— До Ростова, как я понимаю, часа три, — я смотрел на залитую мертвенным лунным светом дорогу, которая тянулась впереди, как белесая вена. — Если нормально все будет. Но машина еле идет. Не дай бог встанем где-нибудь в поле...

Кадет вдруг подался вперед, вглядываясь в темноту так, будто пытался разглядеть в ней спасение.

— Эвакоприемник, — тихо сказал он. — Леший, тут рядом эвакоприемник.

— Какой приемник, Кирилл? Тут зона сплошных руин.

— Медицинский. Полевой. Развернут на территории местной больнички.

— От куда тут больничка? Кадет, ты бредишь!

— Восстановили и запустили. И на территории медицинский эвакоприемник для военных развернули. Я там был на инструктаже пару месяцев назад. — он потер виски, словно пытаясь выцарапать оттуда нужную линию.

Я снова перевел рычаг на нейтралку. А Кирилл продолжил:

— Если свернуть на втором перекрестке налево, там дальше по прямой. Приемник в селе Зорька. Километров пятьдесят отсюда.

Пятьдесят километров. С битой подвеской, смердящим движком, горящим сцеплением, дохлой коробкой... Но, похоже, это самый лучший вариант в нашем положении.

— Бензина хватит. Там придумаем, как заправится. От туда можно будет связаться с Рысью. – продолжал Кадет.

Я глянул в зеркало заднего вида. Девять пар глаз. Лунный свет падал на детские лица, делая их похожими на фарфоровые маски — бледные, хрупкие, с огромными темными провалами зрачков. Они смотрели на меня. Ждали. И в этом ожидании было больше веса, чем во всей броне, что я когда-либо таскал на плечах.

— А еще покормить, помыть и согреть детей. — выдохнул я и воткнул передачу. — Сейчас немного потрясет.

Бензин, связь, тепло, еда — это все хорошо. Но до этого нужно еще дожить. «Буханка» дернулась с места, унося нас сквозь мертвую Веселую Горку в сторону села Зорька, которое, возможно, существует лишь на карте. И, возможно, больничка там больше напоминает заколоченный медпункт. А эвакоприемник – три брезентовых палатки…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.